

Вячеслав Вольф

О вреде курения

Поговорим о наболевшем. На промысловом флоте, конечно, много наболевших тем, но эта тема мне как человеку некурящему несколько раз доставляла такие сложности и приключения, что хочется остановиться особо. Не буду вдаваться в статистику, какое количество пожаров и возгораний устроили курильщики на борту: ранее выпускался специальный бюллетень аварий и аварийных случаев на судах минрыбхоза. Сейчас сия цифра, наверное, не подсчитывается. Известно одно: со времен деревянного флота и по сей день судовая администрация ведет беспощадную борьбу с курением. Борьба идет с переменным успехом.

Кстати, забота о здоровье здесь не на первом месте. Своим здоровьем каждый волен распоряжаться сам. Но когда твоя вредная привычка может навредить твоим товарищам по работе вплоть до летального исхода, тут уже другое дело. Как по мне, так запретить курение на борту надо полностью, так как разъяснительная работа здесь имеет такой же эффект, как выведение вегетарианской породы крокодилов.

В девяностом году прошлого века на туркменском траулере в Каспийском море, когда внезапно кончились сигареты, везде – и на борту и на берегу – курильщики перешли на чай и лавровый лист. Так что – бесполезно. Можно сделать цену в судовом ларьке хоть по сто пятьдесят долларов за блок, спрос не упадет, проверено.

Так вот: первая история просто про сигареты, будь они неладны, а вторая часть – это уже непосредственно про курильщиков,

и какие замысловатые проблемы привычка к курению может создавать на судне.

Симпатичный испанский порт на Канарских островах. Стоим на ремонте. Все идет своим чередом, в график укладываемся, экипаж работает, происшествий нет, по технике безопасности тоже все нормально – без травматизма. Середина ремонта, самый разгар. Обычный день, короче говоря. Наступает обед. Мы со старшим помощником решаем прокатиться до портового бара и выпить чего-нибудь прохладительного. За бортом плюс тридцать два. Машину старпом взял в прокате и оформил на себя. Спускаясь по трапу на причал, обнаружил, что не взял портмоне с правами. Успокаиваю его тем, что у меня мои с собой. Садимся в машину и едем навстречу холодному мохито. Портовый бар под названием «Таблетка» преобразился из помещения типа «хижина дяди Тома» в трехэтажную современную стекляшку за каких-то пятнадцать лет. Денег, оставленных здесь только одесскими рыбаками, хватило бы на небольшой микрорайон в городе.

Паркуемся, заходим внутрь и через пять минут становимся обладателями двух больших порций ледяного мохито. Дополнительно, чтобы соединить приятное с полезным, проводим блиц-мини-производственное совещание. Всё. Остается десять минут до конца обеда. Встаем, расплачиваемся и идем к машине. За двести метров до родного парохода нас прижимает к обочине джип испанской службы безопасности. «Гуардия сивиль» – так это звучит в переводе. Что за дела?! Выходим из машины, предъявляем документы. Пока офицер рассматривает мои права и документы из проката, кое-что мне приходит на память. В частности, что для того, чтобы остановить здесь машину и досматривать ее, нужны очень веские причины. стакан мохито – точно не та причина. Далее додумать не успеваю, офицер требует открыть багажник. Да ради Бога! Открываю. В багажнике оказывается коробка сигарет «Marlboro». Ни хрена себе! Вот это джек-пот! По губам я, вообще-то, читать не умею, но здесь старпом так явственно, хотя и беззвучно произнес известное слово, что это поняли б даже испанцы.

Я понимаю, что чего-то я не знаю, но выкручиваться надо немедленно. Пытаюсь объяснить, что я капитан такого-то судна.

Это сигареты судового ларька, на них есть все документы. Это, кстати, чистая правда. Теперь начинаю сочинять, как Штирлиц с чемоданом. Едем мы на соседнее судно, чтобы отдать долг по сигаретам. Это судно на промысле нас выручило сигаретами, когда у нас закончился запас. Вполне правдоподобная история. Испанский офицер молча пишет протокол на капоте и на мои слова никак не реагирует. Тут замечаю у борта прибалтийского траулера, стоящего рядом, старого знакомого испанского агента Мигеля. Машу ему рукой и прошу подойти. Удача! Он отлично говорит на обоих языках. Повторяю ту же версию и прошу перевести. Мигель переводит. Реакции – ноль. Продолжают рисовать протокол. Затем грузят сигареты к себе в машину и долго что-то объясняют нашему переводчику. Я подписываю по настоянию Мигеля протокол. Служба безопасности уезжает.

Теперь, думаю, наша очередь удивляться. Мигель говорит мне, что эти сигареты сегодня нелегально пытались продать в нескольких местах в городе. Так как я был за рулем в момент обнаружения сигарет, то я и являюсь главным контрабандистом. Завтра с утра я должен быть с адвокатом и судовым агентом на борту, к нам приедет следователь для допроса. Недавно выпитый коктейль поднялся к моему горлу и там и застрял. Мигель закончил, пожал нам руки и отошел. Молча доехали до судна.

Теперь начинается сериал «Следствие ведут знатоки». Выясняется следующая «картина маслом». Наш второй помощник с вечера попросил у Андрея, старпома, ключи от машины, для того чтобы утром следующего дня пораньше поехать на пляж. Андрей отдал и забыл. Что сделал этот умник? Он решил немного подзаработать. Способ самый элементарный. Наши сигареты в судовом ларьке (которым он и заведовал) поставляются нам по цене дьюти-фри. В городе сигареты гораздо дороже. Есть пара, так скажем, мутных лавок, куда это добро можно пристроить и наварить пару копеек. Все бы хорошо, но наш бизнесмен не учел, а может, и не знал, что буквально пару недель назад в стране был принят драконовский закон о борьбе с нелегальной торговлей сигаретами и спиртным. За найденную левую пачку сигарет могли оштрафовать на сто тысяч евро. Естественно, нашего коммерсанта в первом же месте сдали, как стеклотару.

Но на камеры, которые установлены перед магазинами, попала только машина – естественно, с номерами. Получив везде отказ, второй уехал восвояси, машину оставил у борта, причем сигареты остались в багажнике, и отдал ключи старпому. Мы же, решив промочить горло, попали в сей капкан. Ну и потом был произведен наш отлов.

Вот к таким выводам мы пришли со старпомом с помощью истерической дедукции, примененной на борту при допросе второго штурмана. Второй, конечно, вину признал полностью, но мне от этого легче никак не стало. Надо было придумать, как отбиваться завтра. Ведь можно было получить не только штраф, но и депортацию с последующим отказом в получении шенгена. Перспективы ошеломляющие. Обидно еще, что практически на ровном месте. С меня потом весь флот смеяться будет. Задачи на данный момент стояло две. Первая – создать версию для полиции, вторая – придумать, что делать со вторым. Жалко, в общем-то: молодой парень, рыбак неплохой. Но последний вопрос на его допросе эту дилемму решил.

– Сережа, а ты сигареты эти долбаные на себя в ведомости записал?

– Нет.

– Молодец! Натуральный шлемазл! Значит, ты продавал судовое имущество, а не свое, – это уже другая статья.

С Сережей после этого контракта нам пришлось расстаться. Сейчас он где-то возит камни и песок. Нет, не на каторге. На балкерном флоте.

Я уже практически смирился с завтрашней экзекуцией, когда где-то в глубине памяти мелькнул один эпизод канарской жизни. Работал я еще тогда в нашей одесской компании. Надо сказать, что на Канарах осталось по разным обстоятельствам довольно много наших одесских рыбаков. Кто-то устроился на работу, когда флот был на простое, кто-то женился или вышел замуж. Разные истории. Многие по старой памяти приходили, когда одесские суда заходили в порт. Встречались, общались.

Года три назад стояли мы на таком же ремонте. И как раз случился День рыбака. Что говорить – святой праздник. Было воскресенье. Выходной. Ко мне в гости собирались мои хорошие

знакомые, которые жили на острове уже давно. Тамара когда-то работала на плавбазе «Восток», Серхио же был там же когда-то инспектором. Там они и поженились, а затем и остались на Канарах. Мы с командирами накрыли стол, для гостей приготовили побольше разнообразной рыбы и свежего судового хлеба. Тут звонит Тамара и спрашивает, не будет ли проблемой, если с ними приедет их сосед по дому. Он давно хотел побывать на большом траулере. Наше рыбацкое хлебосольство и гостеприимство известно везде и всюду. Поэтому я даже несколько обиделся. Пабло оказался компанейским веселым дядькой. Отпраздновали мы тогда очень добротнo и со вкусом. Гостей вместе с подарками (какой-то вкусной рыбой, кальмарами и осьминогами) практически вручную загрузили в такси. Праздник удался.

И вот сейчас я про это вспомнил в той связи, что Пабло, как оказалось, работал чуть ли не начальником портовой полиции. Ну что ж, сейчас проверим, как испанцы помнят одесское гостеприимство. Хотя я надеялся всего лишь на какую-нибудь полезную в моем положении консультацию. Нахожу телефон Тамары. Берет трубку, минут двадцать излагаю ей все как на духу. Пабло, слава Богу, все еще их сосед. Обещает перезвонить. Часа три думаю: собирать уже вещи для депортации или немного подождать? И что вы думаете?! Звонит Тамара. Пабло, оказывается, перевели начальником отдела как раз туда, откуда я сегодня и получил все эти проблемы. Тамара:

– За сигареты забудьте, протокол оставь себе на память! Ну и больше так не делайте!

– Целую! И честное пионерское: так делать больше не будем!

На том и расстались. Так что пить, да и еще и с хорошими людьми, гораздо полезнее, чем курить!

Вторая часть этого повествования имеет трагикомический оттенок, но что было, то было.

Обычный промысловый рейс. Время и место не имеют значения. Картинка за иллюминатором не изменяется. Океан. Это делает сутки практически неотличимыми друг от друга. Траулер и его обитатели напряженно трудятся. Мостик ломает голову, где найти рыбу, тральцы ставят и выбирают тралы, фабрика ежедневно сортирует, замораживает, складировует. Вот на фабрике, или,

как еще ее называют рыбаки, на монетном дворе, и случилась эта история.

Начнем с краткого описания. Цех рыбообработки на современном траулере – это, по сути, завод площадью пятьсот-шестьсот квадратных метров. На нем огромное количество транспортеров, электромоторов, элеваторов, сортировочных и упаковочных машин. Очень сложное, постоянно работающее хозяйство. Естественно, любая техника имеет свойство выходить из строя. Особенно в океане, где влажность, ржавчина, вибрация, иногда некачественные детали и рукожопые члены экипажа делают свое дело. Все это хозяйство на плечах всего лишь трех специалистов. Старший этой бригады – первый механик-наладчик. И двое его подчиненных – слесари-наладчики. Работают они в режиме «четыре через восемь». То есть каждый из них на четырехчасовой вахте, затем восемь часов отдыха. Ну а если крупная поломка, то все включаются в схему, и пока не исправят, из цеха не уходят. Что делать? Производство у нас круглосуточное. Рыбу если уж поймал, необходимо обработать и заморозить.

Итак, все тихо, мирно. Утром на мостике возле кофейной машины, как обычно, собирается высший комсостав для импровизированного производственного совещания. Каждый день приходит и судовой врач. Мы с ним обычно обсуждаем его пациентов. Их у него, кстати, хватало. Львиную долю составляли моряки-рыбообработчики. Кто-то что-то прищемил, кому-то уронили пак с рыбой на ногу, кто-то укололся шипом какого-нибудь морского обитателя и так далее. Любого судового врача лично я оцениваю для себя только по одному критерию. И этот критерий – четкое понимание опасности для пациента. То есть надо везти на берег или нет. Все остальное – лирика. На судне достаточно оборудования и лекарств. Но снятие судна с промысла должно случаться только в истинно необходимых случаях. Короче, главное – правильный диагноз.

В тот день доктор пришел на мостик, как обычно, и стал доить кофемашину.

– Что там у нас, док? Хромые, косые, ударенные? – спросил я буднично.

– Да вроде все нормально. Двое мавров с температурой. Наверное, завезли что-нибудь с берега, с последней выгрузки.

Да знаю я эти мавританские инфекционные сюрпризы. Пару лет назад, еще до ковида, у меня пятьдесят с лишним человек с температурой тридцать девять лежали, пароход сам по себе плавал. Все жаропонижающее выпили, даже в шлюпочные аптечки залезли.

– Да вот еще со слесарем Стасюком что-то непонятное творится. Я к вам по этому поводу собирался.

Слесарь-наладчик Стасюк, коренастый мужичок лет пятидесяти пяти, работал у нас на судне лет десять, а то и двенадцать. Нормальный специалист, водки попить тоже мог, но с работой это не пересекалось. В общем, никаких особых претензий. По словам доктора, у слесаря началось какое-то неадекватное поведение. Начал заговариваться, не узнает коллег, короче – что-то с головой. Голова – предмет, как известно, темный. Диагноза и близко не поставишь. Наверное, что-то пьет втихаря. Доктор, конечно, пошел по пути наименьшего сопротивления. Если с моряком что-то непонятное – значит, что-то пьет. Договорились, что доктор его далее будет наблюдать.

Прошло пару дней, проблема выростала все явственней. Человек становился, по мнению всех окружающих, все более неадекватным. Правда, без агрессии. И что более интересно, после восьмичасового отдыха он еще что-то соображал. После вахты же, проведенной в цеху, кукушка улетала у напрочь. Доктор кормил его разнообразными таблетками, витаминами и ставил капельницы. Помогало мало. Медицина зашла в тупик. И я вместе с ней. На человека, который мог достать у местных арабов какой-то веселой травы, Стасюк был непохож. Не пацан. Оставалась только какая-то питьевая гадость. Порт был очень давно. Все, что там было куплено, давно выпито и забыто. С арабского берега, где напрочь запрещен алкоголь, поставок тоже быть не может. Что еще? Местное производство искоренили на тот момент, да и случаев других не было. Для этого дела все равно нужен коллектив. Тупик. Вызвал соседа по каюте, такого же слесаря-наладчика Вову. Тот пожимает плечами и делает глаза размером с большой подшипник.

Докладываю в офис. Доктор дает свое описание пациента. Принимается решение отправить домой на ближайшей выгрузке. Кое-как дотянули до выгрузки. Доктор кормил его успокоительным три раза в день вместо еды. Но под самый конец мужик разошелся окончательно, долго бегал по судну в поисках супруги. Укололи и закрыли в изоляторе. На следующий день вроде ему стало полегче. Нам с доктором стало вообще легко, когда катер со сменой отчалил от борта. Всех вменяемых, летевших с нашим больным, проинструктировали и строго-настрого приказали довести его домой. Довезли. Мы с доктором с нетерпением ждали диагноза.

Но тут наше размеренное ожидание кончилось. На третий или четвертый день доктор с грохотом ворвался ко мне в каюту.

– У Ярошенко (это новый слесарь-наладчик) те же симптомы, что и у Стасюка!

– Да ну на... – только и смог сказать я.

Это становилось уже вообще не смешно. Так же отреагировали и в офисе. Начиналась Агата Кристи, Конан Дойль и прочие братья Вайнеры. Второго слесаря, который опять чувствовал себя хорошо, мы с доктором чуть не загрызли: уже были в одном шаге от применения пыток. Тот тоже ничего не сказал, скорее всего – ничего не знал. Перевернули всю каюту в поисках чего-нибудь спиртного, затем переместились в механическую мастерскую, в цех, где у слесарей хранилось все их хозяйство. Ничего. То есть ничего, что могло бы привести человека в состояние шизофрении. Главное, что оба его коллеги в полном порядке!

Новый слесарь полностью копировал поведение своего предшественника. Мы с доктором уже тоже стали потихоньку продвигаться к состоянию наших больных. Снова доложили в офис, снова написали рапорты и снова получили указание отправлять больного домой. Но предупредили, что слесаря на берегу заканчиваются. Мы, в отличие от офиса, шутить уже не могли.

Настал день очередной выгрузки на рейде порта и одновременно подмены части экипажа. Когда сменившиеся моряки и наш больной убыли с борта, ко мне с торжествующим видом пришли рефмеханик и новый стармех. Рефмеханик уже месяц занимался поисками утечки фреона из системы охлаждения второго трюма.

Найти никак не получалось, фреона ушла уже тонна. Тут наконец-то рефслужба победила и нашла утечку. И где она ее нашла? А нашлась это дырка во фреоновом трубопроводе, который пролегал как раз через мастерскую наших слесарей-наладчиков. Новый же старший механик, который уже слышал о нашей кошмарной истории, тут же поставил в ней точку.

Вот что значит «век живи – век учись». А на флоте – так, наверное, и века не хватит. Наши потерпевшие оба курили, и курили они, сидя в кресле, возле которого как раз проходил фреоновый трубопровод с этой долбаной дыркой. Фреон – газ, как известно, без цвета и запаха. А вот при нагревании более четырехсот градусов выделяет соли тяжелых металлов. На кончике сигареты – шестьсот градусов. Так что пару дней таких перекуров – и отравление начинало сдвигать крышу нашим слесарям. Сосед же по каюте этих несчастных, слесарь Вова, курить бросил еще лет пять назад.

Итог – мужиков вылечили, дырку заварили, а я для себя решил еще раз, что, несомненно, лучше пить, чем курить!

